

Переславские школьники

Совсем недавно, проездом на автомашине из Загорска в Переславль, нам пришлось неожиданно остановиться. Случилась какая-то поломка. Водитель предупредил, что он провозится не меньше часа... Я пошёл по шоссе и вскоре был в деревне. Около хорошего, добротного здания резвилась детвора. Щеки у ребят были как красные яблоки — наливные, яркие, свежие от беготни и мороза. Я поневоле остановился и залюбовался детьми...

Ко мне подошёл пожилой крестьянин и тоже остановился, улыбаясь на бегающих детишек.

— Хорошо, — сказал он, — как хорошо им теперь. А нам не досталось такого детства. Ну хоть на старости по-человечески живём.

Я заинтересовался... Закурили и старик мне рассказал о своём детстве, тяжёлом, голодном, невесёлом... Его рассказ — это доля миллионов крестьянской детворы в царской России, доля бедняков. Так же плохо приходилось и детишкам Переславского уезда. Старик меня попросил написать о дореволюционной школе и я охотно исполняю его желание.

...У помещика А. Д. Нарышкина, в Загорской волости, после окончания полевых работ крестьяне, чтобы иметь заработок, вынуждены были прясть лён. Урожай хлеба были настолько малы, что его хватало только до декабря. Работали все, от 8 до 65-летнего возраста. Кроме малолетних девочек меньше 8 лет, помогали прясть и мужчины. Работа начиналась в 5 часов утра и кончалась в 7 часов вечера. Значит, дети, вместо того, чтобы учиться, 14 часов работали на помещика.¹

Школ было мало. Мест в школах не хватало. В 1916 году только в одной деревне Андреевской было отказано в учёбе 13 ученикам. А вообще по Переславскому уезду не могли учиться в начальных школах 3810 детей.² Но и тем детям, которые могли поступить в сельские школы, не удавалось их закончить. В земской школе села Половецкого было исключено 8 детей, часть которых уже должна была кончить школу. «Исключены все эти 8 детей только за то, что их родители не имели возможности уплатить по 30 коп. за ученика в жалование сторожу школы, да поставить четверть сажени дров, стоящей по здешним ценам около 50 копеек», — сообщила газета «Старый Владимирец».³ Трудовое крестьянство не имело средств учить своих детей. В с. Усолжье, например, из 130 детей учились только 39 чел., да и те не могли учиться до конца. Родители брали детей из школы, чтобы иметь лишние рабочие руки в хозяйстве. Нечего было есть. И малыши вместе с отцами отправлялись на фабрику. «Число малолетних возросло более чем на 4 процента, — отмечает Владимирский фабричный инспектор, — эксплуатация труда малолетних заметно прогрессирует».⁴

Но те дети, которые всё же учились, не могли вспомнить ничего хорошего о школе. «Корень учения горек», — говорили тогда. И в самом деле. В большинстве школ верховодили попы, которые вместо учения истязали детей. Поп села Андрианово А. Богословский⁵ «бил учеников, причём у некоторых из них от ударов в ухо лопнули барабанные перепонки, а у других оказались надорванными уши».⁶

Любознательные ученики, которые, несмотря на побои, голод и холод стремились побольше узнать, не могли этого сделать. В «библиотеках для народа» можно было найти «Жития свя-

* Васильев, С. Д. Переславские школьники / С. Д. Васильев // *Коммунар*. — 1952. — 28 марта. — С. 3.

¹ Из путевых записок по России // *Журнал Министерства внутренних дел*. — Т. 30. — С. 218.

² *Старый Владимирец*. — 1911. — № 138.

³ *Старый Владимирец*. — 1911. — 27 октября.

⁴ Свод отчётов фабричной инспекции. — СПб., 1910. — С. 13.

⁵ Имеется в виду священник А. А. Боговяленский. — *Ред.*

⁶ *Старый Владимирец*. — 1911. — № 67.

тых», биографии царской фамилии, сладенькие наивные сказки о добрых принцах. Напрасно было бы в этих деревенских библиотеках искать русских и иностранных классиков, научно-популярную литературу... Всё это изымалось инспектором народных училищ Снегирёвым... Не могли дети прочитать роман Джiovаниолли «Спартак», не могли читать Л. Н. Толстого... Даже такие книги, как «Об удобрении земли навозом» или «О скотном дворе», Снегирёв не разрешал держать в библиотеках, чтобы крестьяне не могли прочесть, как живут крестьяне в Дании, в Швейцарии и других странах.¹

И всё же тяга к знанию была так велика, что «осенью в слякоть, в зимнюю стужу и пургу и в весеннюю распутицу бредёт бедно одетая детвора в училище, невзирая ни на последствия от простуды, ни на недоедание, ни на трёхвёрстное расстояние».²

¹Старый Владимирец. — 1914. — № 6.

²Старый Владимирец. — 1916. — № 71.